

Малика Ферджух

МЕЧТАТЕЛИ БРОДВЕЯ

Танец с
оркестром
Астори

КомпасЛид
Издательский Дом

Малика Ферджух
Мечтатели Бродвея. Том
2. Танец с Фредом Астером
Серия «Мечтатели Бродвея», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65303576

*Мечтатели Бродвея : Т. 2 : Танец с Фредом Астером : [для юношества : 16+] / Малика Ферджух : КомпасГид; Москва; 2021
ISBN 978-5-907178-73-1*

Аннотация

Второй том романа «Мечтатели Бродвея» – и вновь погружение в дивный Нью-Йорк! Город, казавшийся мечтой. Город, обещавший сказку. Город, встречи с которым ждешь – ровно как и с героями полюбившегося романа.

Джослин оставил родную Францию, чтобы найти себя здесь – на Бродвее, конечно, в самом сердце музыкальной жизни. Только что ему было семнадцать, и каждый новый день дарил надежду – но теперь, на пороге совершеннолетия, Джослин чувствует нечто иное. Что это – разочарование? Крушение планов? Падение с небес на землю? Вовсе нет: на смену прежним мечтам приходят новые, а с ними вместе – опыт.

Во второй части «Мечтателей» действие разгоняется и кружится в том же сумасшедшем ритме, но эта музыка на фоне

– уже не сладкие рождественские баллады, а прохладный джаз. Чарующий – и такой реальный. Как и Джослин, девушки из пансиона «Джибуле» взрослеют и шаг за шагом идут к своим истинным «Я». Танцовщица Манхэттен подбирается к разгадке давней тайны, продавщица Хэдли с успехом копается в прошлом, манекенщица Шик ищет выгодную партию, а актриса Пейдж – Того-Самого-Единственного. Нью-Йорк конца 1940-х годов всем им поможет – правда, совсем не так, они того ждут.

Французская писательница Малика Ферджух (родилась в 1957 году) – автор десятков популярных романов для детей и подростков, лауреат престижной премии «Сорсьер» (Prix Sorcières). Раньше она изучала историю кино, и атмосферу голливудской классики легко почувствовать на страницах ее книг: трилогия «Мечтатели Бродвея» динамична, как «Поющие под дождем», непредсказуема, как «Бульвар Сансет», и оптимистична, как «В джазе только девушки».

Прекрасный перевод Нины Хотинской сохранил на русском языке ритм и стиль оригинала. Время с этой книгой пролетит быстрее, чем танец Фреда Астера!

Содержание

Действующие лица	6
В первом томе «Мечтателей Бродвея. Ужин с Кэри Грантом»	10
1949. Что промокло в январе, заржавеет в феврале	12
1. One more time[5]	13
3. Happy feet (I've got those happy feet)[24]	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Малика Ферджух

Мечтатели Бродвея

Том 2

Танец с Фредом Астером

Спасибо «Отель-де-Пляж» в Оссегоре, Кароль, горничным и официантам. Спасибо за вашу заботу и хорошее настроение. Спасибо виду на океан, штормам, серферам за то, что были на волне с рассвета исключительно для вдохновения автора.

Посвящается Франсуазе, Жану, Агли

Действующие лица

В пансионе «Джибуле»,
Западная 78-я улица, Нью-Йорк

Сестры, хозяйки пансиона

Миссис Селеста Мерл

Артемисия

Горничные

Истер Уитти

Черити

Силас, он же **Дриггл**, сын Истер Уитти, виртуоз укулеле

Их жильцы

Джослин Бруйяр, студент, пианист, лифтер

Фелисити Пендергаст по прозвищу **Шик**, модель, за-

писная «золотоискательница»¹

Пейдж Гиббс, актриса на распутье

Эчика Джонс, неунывающая комедиантка

Хэдли Джонсон, танцовщица, такси-гёрл², продавщица

ПОНЧИКОВ

¹ «Золотоискательница» (англ. gold digger), здесь: охотница за деньгами. (Здесь и далее примеч. перев.)

² Такси-гёрл (англ. taxi-girl) – профессиональная партнерша по танцам в дансинге, клубе, ресторане.

Манхэттен (Венди Балестреро), смятенная танцовщица

Урсула Келлер, отважная певица

Огден, двух с половиной лет от роду, пока еще зритель

Бетти Грейбл и **Мэй Уэст**, домашние питомцы (кошки)

№ 5, душистый песик

Дидо, соседка с активной жизненной позицией

Просперо Беззерицес, ее папа

В дансинге «Кьюпи Долл»

Лили, усталая такси-гёрл

Людвиг, бармен американского класса

Бенито Акавива, их патрон

Лизелот, девяти лет, запойная читательница

В театре

Уиллоуби, костюмерша-философ

Рубен Олсон, секретарь звезды

Ули Стайнер, звезда

Юдора Флейм, стихийное бедствие, исполнительница

экзотических танцев

Сесил Ле Рой, адвокат-янки

В актерской студии

Лестер Лэнг, двуликий преподаватель

Уэйн, ветреный герой-любовник

Бобби, жадная до ролей и не только

Рон, отличительный признак – жаккардовый свитер в шерсти

Фрэнки, статистка-умница

Виктор Вальдес, или просто **Вик**, фанат «Куба либре» во всех смыслах

Далее в Нью-Йорке

Фергюс Форд, любопытный литератор

Дина, фигуристка и пиратка в Центральном парке

Миджет, продавщица фиалок где придется

Купер, или просто **Куп**, продавец кренделей

Миссис Чандлер, поэтически настроенная библиотекарша

Мадам Люси-Джейн, няня из сказки

Бетти и Терри, гардеробщицы в клубе «Сторк»

Возлюбленные, воздыхатели и прочие верные рыцари

Эддисон Де Витт, критик в «Бродвей Спот»; **Гэвин Эшли**, пловец в мутных водах; **Аллан Конигсберг**, начи-

нающий гений; **Арлан Бернстайн**, солдат (и многое другое); **Космо Браун**, фланирующий «золотой мальчик»; **Эрни Калкин**, он же **Пробка**, бездарный, но пылкий танцор; **Джей Джеймсон Тайлер Тейлор**, юноша из хорошей семьи; **Нельсон Джулиус Маколей**, воздыхатель из былых времен; **Скотт Плимптон**, скорая помощь; **Уайти**, осветитель на телевидении; **Слоан Кросетти**, вечный рассыльный; рассеянный в очках, падкий до такси

Приглашенные звезды

Вуди Аллен, Марлон Брандо, Энн Бэнкрофт, Фрэнсис Скотт Фицджеральд, Джон Гарфилд, Билли Холидей, Грейс Келли, Элиа Казан, Джеймс Мэйсон, Зеро Мостел и Сид Сизар, Пол Ньюман, Ли Страсберг, Лестер Янг... и Фред Астер!

В первом томе «Мечтателей Бродвея. Ужин с Кэри Грантом»

Всегда можно договориться: **Джослину**, 17 лет, француз, пришлось нелегко, но он всё же остался в «Джибуле», уважаемом нью-йоркском пансионе, где принимают только девушек. Здесь он попадает в круговорот жизни юных созданий, все они без гроша за душой, но богаты мечтами, страстями, тайнами...

Манхэттен, танцовщица, выдает себя за костюмершу, чтобы быть рядом со звездой Бродвея **Ули Стайнером**, которого преследуют «охотники на ведьм» из Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности³... Актер не знает, что Манхэттен – его дочь, которую он бросил, когда та была еще ребенком.

Шик, дорогая куколка, снималась в рекламе... и искала богатого жениха, пока однажды подросток по имени **Аллан Конигсберг** – будущий **Вуди Аллен** – не познакомил ее с **Уайти**, меланхолическим и замкнутым юношей, простым осветителем на Си-би-эс... Но кто он такой на самом деле?

Хэдли растит двухлетнего сынишку Огдена, выдавая его

³ Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, созданная при Палате представителей Конгресса США, занималась расследованиями, в частности политическими. Ее охоту на коммунистов в послевоенные годы называют «охотой на ведьм». (Примеч. авт.)

за своего племянника. Ее жизнь пошла под откос снежной ночью в поезде «Бродвей Лимитед». После многообещающего дебюта со знаменитым танцором **Фредом Астером** ей пришлось бросить всё. Поставив крест на карьере и личной жизни, она ищет **Арлана**, своего красавца-солдата, которого потеряла в результате нелепой ошибки. Теперь она не живет, а выживает. Это нелегко, хотя **Джей Джей**, кажется, не прочь ей помочь...

Есть еще **Эчика**, острая на язычок, но хороший товарищ. И оригиналка **Урсула**, которая поет и крутит любовь, взаимную, но запретную, с джазовым музыкантом **Силасом**.

Наконец, **Дидо**, соседка, бобби-соксер⁴, противница предрассудков и ярая поборница свободы, митингующая против ФБР и охотников на ведьм, в которую **Джослин** сразу влюбляется.

Пансионом «Джибуле» управляют миссис **Мерл** и ее сестра **Артемисия**, чье бурное прошлое незримой нитью связывает эту даму с горячими юными сердцами 1948 года, полными решимости покончить с войной, такой еще близкой, в мире, где столько всего надо изменить.

⁴ Бобби-соксерами (от bobby socks – короткие белые носочки, элемент школьной формы) в США в 1940-е годы называли девочек-подростков или юных девушек, в особенности фанаток поп-музыки. (Примеч. ред.)

**1949. Что промокло в
январе, заржавеет в феврале**

1. One more time⁵

Дверь молодому человеку открыла девушка. Облачко тумана бесцеремонным призраком проникло в дом, где тут же рассеялось и растаяло – как обещание сенатора или клятва влюбленного.

Молодой человек щелчком сдвинул шляпу назад, открыв медно-рыжие, почти оранжевые кудри, смеющиеся глаза и пару симпатичной формы ушей. В руке у него был чемодан; к левой ноге жалась, оскалившись в улыбке, маленькая собачонка.

Девушка поспешно отбросила свисавший на щеку каштановый вихор и заслонила ладонями бедра, будто хотела скрыть повязанный на них грубый серый передник.

Молодой человек услышал, как что-то невнятно прошелестело, – возможно, это было «да?». Щелкнув пальцами, он совсем сдвинул шляпу на затылок, показав глаза, уши и кудри во всей красе.

– Добрый день! – весело поздоровался он, кошачьим прыжком преодолел последние ступеньки, буквально пролетев над ними, поставил в дверях чемодан и выпрямился с

⁵ «Еще раз» (англ.) – популярная песня 1931 года, вокальную партию исполнял Бинг Кросби. Здесь, как и в первом томе, все заглавия взяты из музыкальных произведений, популярных в то время. Подробнее об этих и других упоминаемых в тексте композициях см. в приложении. (Примеч. ред.)

акробатической гибкостью.

Девушке волей-неволей пришлось поднять голову.

– Это пансион «Джибуле»?

Она кивнула, отгоняя упрямый локон.

– Вы здесь хозяйка? Положа руку на сердце, таких красивых глаз ни у одной хозяйки я еще не видел.

Девушка моргнула раз, другой, щеки ее залились краской, как будто она вдохнула сок розового плода.

– Нет... нет, – пробормотала она.

– О, не спорьте. Уверяю вас, таких красивых глаз...

– Нет, я здесь не хозяйка. Хозяйки – миссис Мерл и ее сестра Артемисия.

Он сунул руку в карман и небрежно прислонился плечом к лиловой каменной стене у самой таблички с выгравированными буквами «Пансион Джибуле». Еще выше подняв голову – пришлось, – она хотела вновь отбросить непослушную прядь – которая, однако, смиренно лежала там, куда ее убрали, за левым ухом, – и, не найдя ее, просто погладила щеку.

– Уютный пансион, процветающий и, держу пари, с хорошим столом? – продолжал он шутливо. – Это я удачно попал.

Собачонка приняховивалась к складкам серого передника. У нее было пятнышко под глазом, как в кино, где все собаки игривы и добры. Девушка еще сильнее вытянула шею. Молодой человек был очень высокого роста.

– Здесь жилье предоставляется только женщинам. Мужчины не допускаются.

– О, я живу в Нью-Йорке! – весело отозвался он. – И вовсе не ищу комнату. Зато...

Он положил чемодан плашмя и, щелкнув замками, поднял крышку. Внутри лежали в ряд ножи – острые и закругленные, короткие и длинные, все до блеска начищенные.

– Так как вас зовут, красавица? – поспешно спросил он, упреждая предсказуемый отказ.

– Черити, но...

– Черити?.. Не может быть! У меня есть сестренка в Милуоки, ее зовут как вас, Черити.

Собачонка завертелась на месте, тоже радуясь такому совпадению.

– Милуоки?.. – Лицо Черити просияло. – Я ведь оттуда. Там живут мои родители. Слушайте, это правда? Вы из Милуоки?

– А как же! Вы наверняка знали миссис Трампас, воспитательницу в детском саду. Она еще носила красную шляпку.

Девушка задумалась, вопрошая взглядом туман, окутавший голубоватым шарфом лысые клены на 78-й улице. Брови ее нахмурились так сильно, что сошлись на переносице.

– ...Миссис Трампас, вы сказали?

– Она переехала в Амарилло, когда я пошел в школу. Вы, наверно, ходили в сад много позже, вы такая молоденькая... Сколько вам лет, Черити?

В его золотистых глазах плясали шаловливые искорки. Завиток на лбу весело подпрыгивал от смеха. А уши у него

были маленькие, вправду прелесть. И молодой, лет двадцати, не старше.

– Скоро восемнадцать, – сказала она и еще дважды моргнула.

Она немного преувеличила. Ей только что исполнилось семнадцать.

– А, ну вот, понятно! Красивая она была, миссис Трампас, но вы гораздо красивее, Черити.

Он повторял ее имя, как будто щекотал живот котенка, ласково и лукаво.

– Вы всё это продаете? – спросила она чуть дрогнувшим голосом, указав на приоткрытый чемодан.

– Туго, – вздохнул он с веселым фатализмом. – Моя бедная матушка одна растит маленькую Черити, я учился на бухгалтера, но пришлось бросить и стать коммивояжером. О, я не отчаиваюсь, когда-нибудь обязательно закончу учебу. А пока...

– Вы мужественный человек, сэр...

– Гэвин Эшли. Эшли, как в «Унесенных ветром». Таким красивым девушкам, как вы, – добавил он, облокотившись о стену, так близко, что рукав его куртки коснулся ее руки, – разрешается звать меня просто Гэвином.

Кончиком указательного пальца он дотронулся до ее подбородка и отстранился, как будто нехотя, чтобы взгромоздить открытый чемодан на стойку перил.

– Эта сталь выдерживает самые сильные моющие сред-

ства, ножи не тупятся с пожизненной гарантией. На всю жизнь, представляете? А этими лезвиями можно резать даже густейший немецкий акцент.

Девушка рассмеялась.

– Или такой туман, как сегодня? – поддержала она шутку.

Он тоже рассмеялся журчащим, теплым смехом.

– А вы еще и с юмором, Черити. Да уж, туман так туман.

А ведь еще вчера был чудесный денек для конца января.

Она потеряла руки о бедра, повернула, снова потеряла тыльной стороной.

– Мне очень жаль, честное слово. Я бы с удовольствием купила у вас несколько ножей... Но я же вам сказала, я не хозяйка пансиона, не я решаю, что здесь делать и что покупать.

– Что ж, – весело отозвался он, – зато мы с вами познакомились, значит, день не пропал зря. Может быть, с вашими соседями мне повезет больше... Вы их знаете?

Он закрыл чемодан. Черити не хотелось, чтобы он уходил, не так скоро.

– Отлично знаю. Здесь живет мистер Беззери́дес с дочерью Дидо. Их только двое, имейте в виду, вряд ли им нужно так много приборов.

– Надо полагать, – улыбнулся молодой человек. – Ваш пансион, конечно, был бы для меня прибыльнее. Их двое, говорите?..

Его пальцы поглаживали замки чемодана и всё медлили

их закрыть. Кажется, ему тоже хотелось здесь задержаться.

– Минутку, – решила девушка. – Я позову миссис Мерл. Как знать?

Она скрылась за дверью.

Молодой человек сделал знак собачонке, и та послушно села. Оставив чемодан открытым, Гэвин Эшли спрыгнул со ступенек крыльца и пропал в тумане, стелившемся по улице надменными клубами целого конгресса банкиров в Гаване.

Сквозь ограду он быстрым взглядом окинул соседний садик, всмотрелся в эркерное окно. После чего в новом пируэте кошачьим прыжком взлетел на крыльцо, как раз когда появилась Черити вместе с дамой преклонных лет.

– Гэвин Эшли, – представился он, как будто так и ждал их не сходя с места, и шутливым жестом приподнял шляпу.

– Селеста Мерл, – ответила дама, оценив безупречный костюм и учтивые манеры. – Боюсь, нам, к сожалению, не нужны столовые приборы, ни сейчас, ни в обозримом будущем. Все наши в прекрасном состоянии.

– Ничего не поделаешь! – сказал молодой человек, приняв удар с улыбкой – в ней, правда, чуть сквозила грусть, но улыбка эта не собиралась сдаваться, сколько бы ни осталось еще дверей, в которые придется постучать. – Две приятные встречи – это тоже кое-что.

– Вы очень любезны. Удачи вам, – сказала миссис Мерл, скрываясь в доме.

Скорбно поджав губки и еле передвигая ноги, Черити с

неохотой последовала за хозяйкой.

Стоя перед закрытой дверью, молодой человек погладил по голове собачонку и засвистел мотив, похожий отчасти на *Lulu's Back in Town*, отчасти на *Easy to Love*. Он закрыл чемодан – очень медленно, – окинул взглядом задыхавшуюся в тумане улицу и спустился – еще медленнее – с семи ступенек крыльца.

Прислушался к тихому скрипу открывающейся двери. Сосчитал до пяти и только тогда повернулся на сто восемьдесят градусов.

Она смотрела на него. В два прыжка он взлетел на крыльцо, оставив чемодан на тротуаре, и оказался вплотную к ней.

Черити заколола волосы, но сделала это в спешке, и новый вихор торчал, круто завиваясь, сбоку. Она сняла передник, под которым оказалась юбка с набивным рисунком из гортензий. Придерживая за спиной почти закрытую дверь, чтобы изнутри ничего не было слышно, она проговорила быстро и очень тихо:

– Ничего не вышло. А ведь я сказала ей, что у многих наших ножей погнулись ручки, но...

– Красота, чувство юмора... и доброе сердце, – прошептал он. – Вам очень идет эта юбка... эти цветы.

– Я... я хожу на курсы кройки и шитья, по четвергам. Уже много чему научилась. Я ведь как вы... Когда-нибудь я стану частной портнихой, буду шить на заказ. Никакой больше хозяйки, никакого начальства, и я куплю у вас целую кучу

ножей, – заключила она с дерзким смешком, которого сама испугалась.

– Мир будет наш, надо только продержаться, верно? Чудесная, мужественная Черити. Я вас не забуду.

Он в последний раз приложил пальцы к полям шляпы, казалось, с нежностью. И прошептал:

– Прощайте.

– Как его зовут? – поспешно спросила она, чтобы не дать ему уйти.

Он молча коснулся большим пальцем ее невольно вздернутого подбородка.

– Вашего песика, – пояснила она с видом человека, пытающегося догнать автобус, который вот-вот скроется за углом. – Как вы его зовете?

– А, Топпер. Как призрака Топпера в том фильме с Кэри Грантом.

Он спустился с крыльца всё так же плавно и бесшумно, манерой напоминая туман. Туман, в котором, подхватив чемодан, молодой человек вскоре скрылся вместе с собачонкой, носившей имя призрака.

* * *

В кухне Черити заступила на свой пост у раковины, полной грязной посуды. Полшага в сторону... Она наклонилась, чтобы рассмотреть свое отражение в застекленной двери в

сад. Увидела она себя под углом 30 градусов и не очень четко, но всё же достаточно, чтобы с ужасом обнаружить торчащий клочок волос. Что он мог подумать о ней, он, этот красавец, продавец ножей? О боже мой, ему было над чем посмеяться.

Но он не смеялся.

Нет, и не думал даже. Его золотистые глаза смотрели на нее тепло, с симпатией и, может быть, даже чем-то вроде... Разум Черити не допускал слово «нежность» в ее мысли, хотя именно его подсказывало ей сердце.

Девушка жалела, что не смогла у него что-нибудь купить. С грохотом, нарочно чтобы досадить хозяйке, она швырнула в раковину ворох вилок.

В дверях появилась Эчика.

– Мне бы чистый нож, – сказала она, извлекая из вазы с фруктами лимон.

Яростным движением локтя горничная указала на сушилку. Эчика поблагодарила, разрежала лимон, взяла себе половину, оставив вторую вместе с ножом среди фруктов, и мимоходом отметила про себя, что Черити с этой прической похожа на обиженную скво.

Когда она ушла, Черити забрала нож и вымыла его под краном.

Четыре минуты спустя вошла миссис Мерл с намерением взять банку чатни из шкафчика с консервами.

– Черити, – прошелестела она, с печальной миной рас-

смаатривая этикетки. – Вы не находите, что в этом доме отчаянно не хватает... чего-то?

Черити, вытиравшая вилки, издала горлом неопределенный звук, полусердито, полувопросительно, что могло относиться как к словам миссис Мерл, так и к потускневшему металлу приборов, который упорно не желал блестеть, как она их ни терла.

– Мистер Макконахи тут расхваливал мне одну передачу по телевизору. Про коал в окрестностях Мельбурна. Мельбурн – это в Австралии, вы сами знаете, Черити. Они, оказывается, носят своих детенышей в сумках, как кенгуру. Вот ведь удивительная страна, где детки растут в сумках.

– Эти ножи никуда не годятся! – фыркнула Черити и принялась их оттирать, вымещая обиду на предмете своего негодования. – Ручки растрескались, что пятки бродяги, а тупые-то, тупые, ими уже и масло не разрежешь.

Рассеянно взглянув на нее, миссис Мерл взяла с полки банку.

– Мистер Макконахи, – продолжала она, – сравнил телевизор с агентством Кука. Можно совершить кругосветное путешествие за час. Чудо, не правда ли? Но, – перешла она на шепот, открывая банку, – боюсь, мне придется выдержать Мидуэйское сражение⁶, чтобы убедить в этом мою сестру.

⁶ Сражение у атолла Мидуэй – крупное морское сражение Второй мировой войны на Тихом океане, произошедшее в июне 1942 года. Решительная победа флота США над Объединенным флотом Японии стала поворотной точкой в войне на Тихом океане.

Уходя, она мельком обратила внимание на горничную. Боже мой! Чем эта крошка причесывалась, колом, не иначе!

Из столовой – где банка чатни заняла место на столе, после того как из нее была извлечена и облизана ложечка содержимого, – миссис Мерл слушала, как суетятся наверху ее юные жилички.

Возбужденный шепоток, нетерпеливый топот молодых кобылок, хлопки двери ванной... Одна из них, должно быть, готовится к выходу нынче вечером!

Селеста Мерл включила под сурдинку радио и, напевая вместе с Фредом Астером первый куплет *Me and the Ghost Upstairs*, позволила себе еще пол-ложечки чатни.

* * *

В ту секунду, когда Джослин готовился поместить буквочки скрэббла – М и К – на колени Элейн Бруссетти, Пенхалигон-колледж огласил звонок.

– Гонг тебя спас! – торжествующе прошептал он.

Студенты встали с дружным вздохом, облегченно застонали стулья, шаркнув ножками по полу классной комнаты. Элейн украдкой собрала деревянные буквы в полотняный мешочек, в то время как профессор Патриция Гельмет стирала с черной доски два часа истории средневековой музыки. У нее тоже вырвался вздох, и даже очень глубокий, но никто из студентов этого не заметил.

– Я чуть-чуть не выиграл, – сердито буркнул Джослин. – Откуда ты взяла этот «дзен»? Спорим, сама выдумала?

– Это буддистская секта в Японии.

Однокашники вокруг гомонили и шумели, как взлетающая стая диких уток.

– Впервые слышу.

– Будет теперь что рассказать внукам... Когда найдешь им бабушку, – засмеялась она и, шутливо ткнув его локтем, добавила: – Хотя твоя Дидо на бабушку похожа мало.

Он дал ей в ответ шлепка. Элейн, смеясь, увернулась, и только Джослин ее и видел, пока складывал учебники и забирал из гардероба свой дафлкот.

Он нагнал ее, тепло укутанную в малиновое пальто из толстой шерсти, в затянутом туманом кампусе, где она нетерпеливо притопывала ножками среди других диких уток – сто процентов студентов и по большей части селезней.

– Здесь закрытый клуб? – осведомился Джослин, присоединяясь к группе. – Или вход свободный?

– *Welcome*⁷, Джо. Винсент рассказывает нам о приеме у его родителей в субботу.

– Коктейли у него подают такие огромные, что льдинки в них плавают размером с буйки.

– Тебе-то откуда знать, Элейн? – осадил ее Винсент. – Ты никогда у нас не была.

– О... Я просто дважды перечитывала «Гэтсби», – бросила

⁷ Добро пожаловать (англ.).

она в ответ и замахала руками своему возлюбленному, как раз выходявшему из корпуса *sophomores* – так называют в американских университетах второкурсников.

Влившись в стайку селезней в теплых пальто, Рой обнял свою дульсинею и в шутку куснул ее малиновый воротник.

– Ну и погодка! – буркнул он. – Идем погреемся где-нибудь?

Появление ладно скроенного *бойфренда* в шикарной куртке на меху, героя недавнего межколледжного турнира по американскому футболу, спугнуло селезней, стайка стусевалась и отплыла, вновь сгруппировавшись подальше на аллее. Туман набрасывал длинные лиловые шали на плечи кленов.

– Кто выиграл сегодня в скрэббл?

– Я всего лишь невежественный француз. Твоя невеста всюю этим пользуется и выдумывает слова.

– Неправда твоя, я ничья не невеста. Рой, милый, угостишь нас какао? Твоя очередь, вчера приглашала я.

– На 85 центов, которые у меня выцыганила.

– Я тебе их верну, когда обростешь бородой до колена, – проворковала девушка, прижимаясь к его куртке. – Ты не идешь? – крикнула она Джослину, который пятился под шумок, зажав под мышкой учебники.

– Ты же знаешь, как я не люблю проигрывать, чего доброго, придется тебе пить какао с солью. И потом, у меня весь вечер занят: пианино для миссис Мерл. А после покер с Дра-

КОНОМ.

Он скрылся в ватных клубах.

– Дракон? – удивился Рой.

– Самый настоящий. Который грозит скормить Джо отравленное яблоко, если он не сыграет с ним, то есть с ней, раз в месяц в покер, – мрачно пояснила Элейн.

– Бр-р-р. А ты знакома с этим Драконом?

– Вот еще, нет, конечно. Но я трижды смотрела «Белоснежку» в пятом ряду кинотеатра «Бижу» в тот день, когда у меня выпал первый молочный зуб. Так мы выпьем когда-нибудь это какао, которым ты рвешься меня угостить, Рой *de mi corazón*⁸?

* * *

Джослин Бруйяр полюбил туман. Что нелегко, когда при малейшей дымке за окном одноклассники зовут тебя Джослин Хмарь или дразнят Молочной Пенкой⁹. Но это было во Франции. В Нью-Йорке над его фамилией никто не смеялся.

Другое дело, если бы его звали Джослин Фог¹⁰.

Он вышел из Пенхалигона, ломая голову над вечной загадкой: как завязать узелок на бумажном платке? Изобретатель клинексов упустил два важных момента: размер мало-

⁸ Моего сердца (*исп.*). Имя Рой созвучно испанскому слову *rey*, «король».

⁹ Brouillard – туман (*фр.*).

¹⁰ Fog – густой туман (*англ.*).

ват, а материал непрочный. Рвется в клочки или сминается в катыш. Невозможно одновременно высморкаться и о чём-то не забыть.

Он лавировал в толпе по проспекту, уже привыкнув к странностям этого города, ставшего почти родным. Еще поражавшей его всякий раз деталью были сизые мазки голубей, так отрадno похожих на парижских.

Ему захотелось навести глянец на свои ботинки. Случай представился у «Мартиз Сода Спринг» на углу 99-й улицы. Юный чернокожий чистильщик, священнодействовавший на краешке тротуара, очень удивился, когда Джослин спросил, как его зовут. Обычно, когда он трудился, согнувшись в три погибели у ног клиентов, они стояли, погруженные в «Нью-Йорк Таймс», – если были одни. Или в разговор – если компанией.

– Робинсон, – ответил он. – Как Шугар Рэй Робинсон. Знаешь его?

– Боксера? А как же.

– Он лучший в мире.

– Лучший в мире – Марсель Сердан.

Паренек так и покатился со смеху. Хорошо было зубоскалить с такими зубками, круглыми и блестящими, как капельки. Может быть, он и на них наводил лоск.

– До встречи в июне! – фыркнул он, старательно начищая ботинки Джослина. – Спорим на ужин с Бэтменом, что Джейк Ламотта сотрет его в порошок?

– По рукам. Хотя я и не знаком лично с Бэтменом.

– Я тоже. Зато хорошо знаю «Хорн и Хардарт» на 7-й улице, – серьезно сказал мальчишка. – Если проиграешь, а ты точно проиграешь, поставишь мне три тройных порции жареной картошки «Джамбо».

– До встречи в июне. Или раньше, чтобы освежить глянец?

– Я здесь каждый день, – с достоинством отозвался мальчик, кладя в карман мелочь. – Тебя как зовут?

– Джо. А тебя?

– Джамп.

– Ты умеешь завязывать узелки на клинексе?

– Это тебе зачем – узелок на клинексе?

– На память. Знаешь, когда надо что-то не забыть. Но клинекс сразу разлетается в конфетти.

– Оторви уголок, всего и делов. Посмотришь и вспомнишь. Всё равно что узелок.

Джослин просиял.

– Как я сам не подумал!

– Узелок не завязал? – хихикнул мальчишка.

Они расстались, дружески хлопнув ладонями.

– Джейка Ламотту все зовут «Бешеный Бык». А ты своего Сердана как зовешь?

– Боксер, который выиграет мне пари.

Джослин побежал к метро. В вышине туман обезглавил небоскребы.

Через двадцать минут он был на углу 78-й улицы и столк-

нулся с Шик, которая бежала от Коламбуса.

– Как-то ты странно говоришь, – заметил он, когда они поздоровались.

Она провела полдня на записи ролика, рекламирующего очередное лекарство от кашля. После вошедшего в историю декабрьского снегопада¹¹ Нью-Йорк косила эпидемия гриппа.

– Сироп на основе мексиканских специй, – поделилась она голосом, который шел как будто из ушей. – Эта пакость сожгла мне голосовые связки. Уж я и горло полоскала, и горячее пила, всё без толку.

– Содовой? – предложил Джослин. – Воды с мятным сиропом?

– Не учи ученого, я сразу пошла в ближайший бар. – Она поморщилась. – Освещение там было – синие огни. Все клиенты выглядели смертельно больными. Я сбежала. В следующем заказала сэндвич с индейкой.

Они уже подходили к крыльцу «Джибуле».

– И?..

– Как тебе сказать? Мне показалось, что индейка у повара кончилась и он зажарил неизвестное науке животное.

Джослин проводил ее до верхней ступеньки.

– У меня в сундуке осталась коробочка вогезских леденцов¹². Положишь в рот один и вдохнешь все леса француз-

¹¹ См. том 1 «Ужин с Кэри Грантом». (Примеч. авт.)

¹² Популярны во Франции леденцы от кашля и для освежения полости рта.

ских гор. Спустишься ко мне?

– Ты лапочка, Джо, но эта съемка вымотала меня вконец. По сравнению со мной выброшенная на камни медуза покажется атомной бомбой. Ты не зайдешь?

– Моя галантность кончается здесь, мужчине нельзя переступать этот порог.

– А ты мужчина, Джо! И даже очень красивый.

Шик нажала пальчиком на его нос, как на кнопку.

– Готово дело! Ты покраснел.

И она скрылась в доме – одна, в то время как он спускался с крыльца и по ступенькам, ведущим с тротуара в его подвал.

* * *

У окна на последнем этаже пансиона чья-то рука отдернула занавеску... Тюль замер у лица Артемисии, на котором были написаны противоречивые чувства, обуревавшие ее всякий раз, когда она наблюдала тайком за своими жильцами. Она радовалась, видя их, таких молодых, веселых, оживленных, но радость эта отзывалась такой же болью в сердце, как и неотделимая от нее тоска по безвозвратно ушедшим дням. Она погладила Мэй Уэста между ушами и согнала его с софы, на которую они поочередно предьявляли свои права, иной раз доходя до драки.

Она только что закончила краситься к предстоящему вечеру. С ее далеких восемнадцати лет, когда Артемисия бы-

вала в обществе ежевечерне, это был ритуал, который она исполняла с пяти часов и крайне тщательно... Правда, в обществе она больше не бывала.

К тому же вынуждена была признать, что с годами процесс нанесения макияжа изрядно удлинился, и это досадно. Она поставила пластинку 78 оборотов на граммофон-вектролу. Зашуршала игла, и зазвучал сладкий голос Бинга Кросби:

You must have been a beautiful baby
You must have been a wonderful child...¹³

А что, если надеть?..

Из ящика японского буфета, на котором красовались английские часы с вестминстерским боем, она достала плоский футляр из кожи ящерицы. Замочек, и раньше-то непослушный, оцарапал ей пальцы. Но они были на месте. Две сверкающие птички с целехоньким муарово- черным оперением. Это украшение было давним подарком Нельсона Джулиуса Маколея, ее красавца-возлюбленного с Парк-авеню, о котором в качестве зятя мечтали все матроны нью-йоркской аристократии, в ту пору, когда она сама была девчонкой, строптивой, капризной и с ветром в голове. Он тогда не знал, что это был прощальный подарок. Артемисия вздохнула.

Оставалось выбрать наряд для покера.

¹³ Наверное, ты была красоткой еще в пеленках, наверное, ты была чудесным ребенком... (англ.).

Его постель была аккуратно застелена, в студии чисто и прибрано. Даже свежие цветы стояли в круглой вазе. Черити не обязана была всё это делать, но делала, потому что ей нравился Джо. И потому, наверно, что он был мужчиной.

Джослин бросил дафлкот и книги на круглый столик Фреда Астера, где они придавили плюшевого олененка Адель, и лег поверх пухового одеяла, подняв глаза к окну-полумесецу, выходявшему на улицу вровень с асфальтом.

Сновали туда-сюда ноги прохожих...

Вернулась ли Дидо? Уроки в «Тойффелл» закончились. Чтобы обуздать свое нетерпение, он взял укулеле (рождественский подарок Силаса) и принялся вяло пощипывать струны, наигрывая *Monsieur, monsieur, vous oubliez votre cheval, ne laissez pas ici cet animal, il y serait vraiment trop mal...*¹⁴ Песню прервало что-то мягкое, влажное, робко ткнувшееся в его локоть.

– О, привет, Номер пять. Научишь меня когда-нибудь проходить сквозь стены, как ты? – шепнул он метле, которая, судя по всему, была головой песика.

Он погладил его, продолжая высматривать за полукруглым окном пару белых носочков. № 5, верный товарищ, тоже

¹⁴ Месье, месье, вы забыли вашу лошадь, не оставляйте здесь это животное, ему будет очень плохо... (*фр.*)

установился в окно. Он на диво добросовестно выполнял свои обязанности друга человека.

Джослин снова запел во всё горло, заглушая звуки укулеле: *Grand-maman c'est New-York, c'est New-York, je vois les bateaux-remorques... Les mouettes me font bonjour, dans le ciel je vois les jolies mouettes, et je sens-z en moi de longs frissons d'amour...*¹⁵

Он как раз начал *On n'est pas des imbéciles, on a même de l'instruction, au lycée Pa-pa, au lycée Pa-pil, au lycée Papillon*¹⁶, когда раздался стук в дверь, не входную, а в дальнем углу, ведущую внутрь дома. Джослин вскочил, наскоро пригладил волосы, поправил галстук. № 5 сел, как подобает воспитанному псу.

В дверном проеме заколыхалась высокая прическа Селесты Мерл.

– Вы, должно быть, проголодались после целого дня занятий? Я принесла вам кусок орехового торта и стакан молока.

– О, э-э... Спасибо. Вы очень любезны, миссис Мерл.

И в эту самую минуту за подвальным окном простучали каблучки. Джослин с ужасом увидел белые носочки... Он поспешно кинулся к миссис Мерл, рассыпаясь в благодарностях. С единственной целью загородить от нее окно.

¹⁵ Бабушка, это Нью-Йорк, это Нью-Йорк, я вижу буксирные суда... Чайки здороваются со мной, в небе я вижу прекрасных чаек и чувствую долгий любовный трепет в глубине души... (*фр.*)

¹⁶ Мы не дураки, у нас даже есть образование в лице Ба-ба, в лице Ба-бо, в лице Бабочек (*фр.*)

– Вы будете в форме к нашему сегодняшнему концерту? У вас что-то усталый вид, юный Джо.

– Не беспокойтесь, миссис Мерл! – почти пропел он боевым кличем Марка Антония, призывающего толпы Капитолия на смерть Цезаря. – Я подготовил вальс из «Евгения Онегина» и «Лунную сонату» Бетховена... э-э, миссис Мерл!

Ну, если Дидо его не слышит...

– О-о! – закатила глаза хозяйка, едва не выронив поднос от восторга. – Я обожаю обе эти вещи.

Джослин взял торт и молоко и остался стоять живой ширмой, холодея от мысли, что сейчас появится Дидо в своей любимой позе, на корточках у самого окна, – так она всегда давала о себе знать. И, о боже милостивый, чего доброго, еще запоеет по своему обыкновению: «Поцелуй меня, потом я тебя!»

Чтобы убить в зародыше эту устрашающую перспективу, пришлось прибегнуть к не менее устрашающему кашлю. Миссис Мерл назидательно покачала высокой прической.

– Прилягте отдохнуть минут на десять, вам это нужно. Вы ведь не забыли, правда? Сегодня вечером? Этот, гм, этот... покер?

Она выплюнула последнее слово, как будто выронила склянку с нитроглицерином.

– Нет, нет, миссис Мерл! – зычно выкрикнул Джослин, кашляя. – Положитесь на меня, миссис Мерл!

Он взялся за дверную ручку в надежде, что она поймет и

ретируется. Но хозяйка не двигалась с места.

– Позволю себе дать вам совет, – продолжала она, – девочки скоро оккупируют ванную. На вашем месте я бы воспользовалась ею сейчас.

С этими словами она повернулась вполоборота к двери.

– Огромное спасибо, миссис Мерл! Сию минуту так и сделаю.

Но она еще не закончила. Ее палец указывал вниз.

– Это что такое?

Два огонька, два жалобных глаза мерцали из-под разлегшейся на полу кучки шерсти.

– О, это, э-э... Это Номер пять, миссис Мерл. Урсулин песик.

– Я вижу. Что он делает у вас?

– Он заходит иногда ко мне в гости.

– Если он вам мешает...

– Вовсе нет, миссис Мерл! Он нисколько мне не мешает!

Мешая слова с кашлем, Джослин твердой рукой потянул на себя дверную ручку и добавил, хитро блеснув глазами:

– К тому же он имеет право. Он ведь мужского пола.

Это был тонкий намек на правило, которое установила миссис Мерл, когда Джослин поселился в пансионе. Никаких женщин в студии. Ни под каким видом. За исключением его матери.

Хозяйка нахмурилась, осознав, что в силу этого закона ей самой не полагалось здесь находиться.

– До вечера, – простилась она.

Он запер дверь и, тяжело дыша, повернулся к окну. Ночков больше не было видно! В три прыжка он взлетел по ступенькам, распахнул дверь на улицу. И чуть не сбил с ног Дидо.

– Она ушла? – дрожащим голосом проговорила девушка, преодолевая испуг и давясь от смеха.

Он крепко схватил ее за плечи, и они поцеловались так, будто не целовались еще никогда в жизни. Хотя вот уже месяц только это и делали.

Задернув занавеску, они упали на кровать, не переставая тискаться, переплетаться телами, обшаривать друг друга ладонями и тому подобное.

– Поцелуй меня! – прошептала она, переводя дыхание.

– Потом я тебя, – отозвался он, отшвырнув подальше галстук.

Из тактичности или просто пользуясь случаем, № 5 отвернулся и как ни в чём не бывало принялся за торт и молоко.

Ни Джо, ни Дидо не обратили на это внимания. На ней снова был шелковистый свитерок, буквально сводивший его с ума... и он как раз дошел до самого долгожданного, самого сладостного момента, когда его пальцы ныряли под него и подбирались к ее груди.

Куда меньше ему нравилось, когда Дидо внезапно и решительно его отталкивала. Что рано или поздно происходило всегда.

Произошло и сейчас.

– Тебе не нравится, – в очередной раз пожаловался он.

– Нравится, – завершила она, сидя на краю кровати и, как всегда, приводя в порядок пуловер и конский хвостик. – Но папа, наверно, уже беспокоится, где это я пропадаю.

Джослин вздохнул. Трудно всё-таки с девушками. Он взял укулеле и снова запел:

– *Si les mystères de la vie vous mènent à zero, n'y pensez pas, n'y pensez pas trop! Si vous avez soif la nuit et qu'il n'y ait pas d'eau-ho...*

– *Нипон сена нипон сена нипон сена т'во!* – старательно подхватила Дидо.

– *Pourquoi les vaches ont des puces, et les puces pas de veaux-ho? Pourquoi dit-on mon «beau-frère» à un type pas vraiment beau?*

– *Нипон сена нипон сена нипон сена т'во!*

– *Et pourquoi le ver solitaire quand il y a tant d'anneau? Bah, c'est dégoûtant. N'y pensez pas bah bah...*¹⁷

Они снова упали навзничь, весело хохоча и забыв обо всём на свете, совершенно счастливые.

– Какие романтичные твои французские песни. Просто мурашки по коже. Эта про что?

¹⁷ Если тайны жизни приводят вас к нулю, не думайте об этом слишком много! Если ночью вам хочется пить и нет воды-ы... Почему у коров есть блохи, а у блох нет теля-ат? Почему шурина называют «beau-frère», если он вовсе не красив? И почему червяк называется солитером, разве он одинок, когда у него столько колец? Ба, это неприятно. Не думайте об этом, ба-ба... (фр.).

– Да так... про банджо, воду, ночь, сказочных животных...

Они поцеловались (это был уже почти рефлекс после двух фраз).

– Папа дежурит сегодня вечером в «Пенсильвании». Будет показывать «Иоланту и вора». *Мюзикл* с Фредом Астером. Пойдем?

Ах, как бы ему хотелось! Самыми чудными, самыми сладкими часами его жизни были эти киносеансы, на которых ни он, ни Дидо фильма практически не видели.

– Не-воз-можно, ты же знаешь. Сегодня надо отбыть два наказания.

Он немного преувеличивал. На партиях в покер у Артемисии собирались прелюбопытные особы, а побренчать на пианино пару сонат для гостей Селесты Мерл было хорошей разминкой для пальцев. Но всё же жаль упустить случай побыть с Дидо.

– Я пойду, – сказала она, вставая.

И встала. Бросив укулеле на одеяло и сердито пофыркав в потолок, он нехотя последовал ее примеру.

Они снова обнялись на первой ступеньке и поднялись, тесно сплетенные, к двери, где еще добрых четверть часа простояли, привалившись к косяку.

– *Bonsoir jolie madame*, – промурлыкал он, зарывшись лицом в конский хвостик, – *je suis venu vous dire bonsoir...*

*Revenez vite, c'est le printemps...*¹⁸

– Мурашки, – выдохнула она едва слышно. – Здесь. В сердце. Когда ты поешь по-французски... Хоть ты и испортил мне прическу.

Последний бесконечно долгий поцелуй, последний бесконечно долгий вздох, и она скрепя сердце решила наконец уйти, а он – отпустить ее.

Он вернулся бегом, чтобы скорее открыть занавеску. Ради удовольствия увидеть, как пройдут мимо окна по улице ее ноги. До этого он прислушивался, карауля их приход...

Белые носочки появились очень скоро. Неожиданно остановились у полукруглого стекла. Раз-два-три... Они отбили на тротуаре степ, коротко, звонко, весело. И, простившись так, удалились вприпрыжку к соседнему дому. Джо-слин улыбнулся.

Пора было пойти принять душ.

2. *I'll be hard to handle*¹⁹

Манхэттен взглянула на часы и бросила пьесу «Только не Мортимер» на кровать:

– Гораздо лучше, чем неделю назад. Тельма тебе наконец удалась.

– Угу. Но, мне кажется, я могла бы еще...

– Ты сногшибательна. Поверь мне.

¹⁸ Добрый вечер, очаровательная мадам, я пришел сказать вам «добрый вечер»... Возвращайтесь скорее, на дворе весна... (*фр.*)

¹⁹ Со мной будет нелегко (*англ.*).

Пейдж со скептической миной молча крутила кончик косы.

– Не заморачивайся, лучше отдохни. Забудь про сцену. Забудь про завтра. А мне, – добавила Манхэттен, снова посмотрев на часы, – пора бежать.

Пейдж продолжала озабоченно теревить косу.

– Наверняка я могла бы сыграть лучше.

– Ложись баиньки. Тогда сыграешь.

– Мне бы еще уснуть. А где ты сегодня танцуешь?

– Где всегда, – соврала Манхэттен.

На прощание она ущипнула встревоженно вздернутый подбородок подруги.

– Ставлю ужин с Кэри Грантом, завтра все от тебя обалдеют.

Десять минут – умыться, причесаться, надеть туфли, пальто и шляпку. Манхэттен была девушкой разумной и организованной, ей хватило восьми. Уходя, она задержалась в вестибюле и постояла с минуту, не сводя глаз с телефона на стене.

Сняла трубку, набрала три цифры... Подумала и положила на место. С тем и ушла из «Джибуле» в сгущающиеся сумерки и еще более густой туман.

А Пейдж наверху продолжала кружить по комнате и репетировать сцену, забыв добрый совет Манхэттен.

Ее бил мандраж. Ведь предстояло не просто прослушивание, но отборочный тур, пройдя который ей светило стать –

может быть – студенткой Актерской студии. О ней мечтали многие, места были нарасхват.

Никто не знал о тайном плане Пейдж. Даже Манхэттен думала, что ее ждет просто очередной кастинг. Пейдж молчала отчасти из суеверия, отчасти из гордости. Если ее не примут, лучше пережить свой провал в одиночку.

– *Я тебя не понимаю, Мортимер!* – выкрикнула она, обращаясь к наклонному зеркалу. – ...*Ты испытываешь у меня правду с коварной надеждой, что я виновата во всём...* Ох, пошел ты к черту, кретин Мортимер! – не выдержала она, рухнув всем весом на подушки. – И ты тоже, дура Тельма!

В дверь застучали.

– Какого такого кретина Мортимера вы у себя прячете? – раздался сердитый голос из коридора. – Здесь приличный дом или что?

Пейдж открыла, просияв улыбкой.

– Меня мучит кошмар, Истер Уитти. Возможно, из-за пирога с почками на обед? – подколола она с самым простодушным видом.

– Тогда могу вас обрадовать! – злорадно парировала Истер Уитти. – Сегодня вечером я опробую новый рецепт омлета с требухой на свином жиру.

– О небо... Сжальтесь.

– Ай-ай-ай. Вы и вправду неважно выглядите, – встревожилась горничная. – Пойдите-ка, цыпа моя, у меня есть самое лучшее лекарство.

Она ушла, порылась в одном из шкафов в коридоре и быстро вернулась со стаканчиком, наполненным бесцветной жидкостью.

– Медицина не изобрела ничего лучше после кровопускания. Ну-ка залпом.

Пейдж послушно выпила... закашлялась, задохнулась и чуть не упала.

– Высший сорт, отфильтровано через носки Панчо Вильи²⁰, – зашла от восторга Истер Уитти. – Или Троцкого, запомнявала.

– Вы не переоцениваете достоинства текилы, Истер Уитти? – спросила Пейдж, отдышавшись и придя в себя.

– Люди скорее склонны переоценивать достоинства воды, цыпленочек. Только после этого лучше не дышите на вашу юбку или на стодолларовый чек, чего доброго, загорятся.

Она повернулась на сто восемьдесят градусов, потом еще на сто восемьдесят, оказавшись вновь в той же позиции.

– А что, этот Мортимер из вашего кошмара... Он женат?

Пейдж хихикнула. Она обожала Истер Уитти за ее самые неожиданные наития.

– Кажется, нет. А что?

– Да чтобы не осчастливить мерзавца по неведению.

Обе захохотали.

– А теперь, утеночек мой, не поесть ли вам немного?

²⁰ Панчо Вилья – псевдоним Хосе Доротео Аранго Арамбулы, одного из предводителей мексиканской революции 1910 года. (*Примеч. ред.*)

– Мой желудок никогда не пустует, Истер Уитти. Спасибо.

Закрыв дверь, Пейдж слышала ее смех даже с первого этажа. Ничего, зато Истер Уитти открыла ей новые перспективы. Начинающая актриса встала перед зеркалом и сосредоточилась.

– Ты женат, Мортимер? – простонала она. – *That is the question*²¹. Автор об этом умалчивает. О боже! Если ты женат, нельзя сыграть Тельму, как я собиралась...

* * *

Фоном играла виктрола, а Артемисия всё еще выбирала между платьем «чарльстон», отделанным зелеными жемчужинами, чесучевым и черным с кружевами... когда в дверь постучали. Мэй Уэст запрыгнул на этажерку и застыл на полке в позе впередсмотрящего. Дверь открылась.

Еще не обернувшись и не услышав ни слова, Артемисия уловила замешательство сестры.

– Митци, – начала миссис Мерл, тихо кашлянув, – как твое здоровье?

– Понятия не имею. Целую вечность не показывалась врачу.

Она наконец удостоила младшую сестру взглядом и едва не поморщилась.

²¹ Вот в чем вопрос (*англ.*).

С тех пор как Селеста овдовела, она носила поочередно три платья, которые трудно было отличить друг от друга: из темного бархата, с вертикальным рядом маленьких тусклых пуговиц до высокого ворота.

Они выглядят на ней татуировкой, с грустью подумала старшая сестра и вернулась к своим блестящим нарядам, развешанным перед ней на плечиках из красного дерева. Она так и не определилась с выбором.

– Митци... У тебя есть минутка?

– Мужчине, если он молод, красив, забавен, богат и умен, я подарила бы целый вечер. Просто мужчине в лучшем случае час. Ты всего лишь моя сестра, так что на минутку можешь рассчитывать.

Миссис Мерл обиженно поджала губы.

– В твоём возрасте ты ещё мечтаешь о молодом, красивом, забавном, богатом и умном муже?

Артемисия обожгла её косым взглядом зелёных глаз.

– Чтобы получить всё это, пришлось бы выйти замуж пять раз. Заметь, я говорила о мужчине, не о муже.

Она приподняла за плечики платье с жемчужинами.

– Замужество – единственное, чего я в жизни не испробовала.

Её пальцы пробежались по жемчужинам. Если бы только один человек попросил её руки. Но он этого не сделал.

Бюст Селесты выдавал легкую одышку, знак – догадалась старшая, – что она собиралась просить об одолжении.

– Я должна обсудить с тобой одну вещь, которую давно держу в голове, но хотела сначала всё обдумать, взвесить, подождать, пока мистер Макконахи подтвердит мне все преимущества и пользу...

Фраза оказалась слишком длинной. Сестра уже посмеивалась.

– Твой дружок Макконахи не молод, не богат, не красив и не умен. Забавен ли... Да, он может рассмешить. Но, к счастью, сам этого не знает.

– Он мне не дружок! – оцетинилась задетая за живое миссис Мерл. – Что ты выдумываешь? Макконахи женат.

– Ты можешь назвать мне более веский резон? Ладно, ты ведь тоже не забавна. Даже в покер никогда не играешь. Кстати, напомни о времени Истер Уитти и юному Джо.

– Они поднимутся после ужина. Ты меня сбила. Я подумала... я думала...

– Нелегко это, должно быть, тебе далось! – безжалостно перебила ее Артемисия.

Она хихикнула, всё еще удивляясь после стольких лет, как легко ей осадить младшую сестру.

– Ладно, – смягчилась она. – Заткни глотку Бингу Кросби, я хочу сказать, выключи граммофон и выкладывай.

Миссис Мерл повиновалась, по крайней мере в том, что касалось граммофона. Потрогала одной рукой рыжую пену своего шиньона, другой принялась перебирать пуговицы у ворота, как будто лушила стручок фасоли.

– Как ты смотришь на то, чтобы поставить у нас телевизор? Это всё равно что радио, обычное радио, только с картинками, и...

– Я знаю, что такое телевизор.

– У всех соседей – почти у всех – уже есть.

На этот раз смешалась Артемисия.

– Ради бога, – взмолилась Селеста. – Не смотри на меня так, будто у меня три головы.

– Одной вполне достаточно. Господи... У всех соседей есть телевизор? Предлагаю самый простой выход: давай переедем.

Младшая сестра молча прошла через комнату к окну и приподняла край занавески. Туман стучал в стекло длинными бескровными пальцами. Она продолжала, не поворачиваясь:

– Можно поставить его в гостиной. Ты живешь затворницей в этих комнатах, не увидишь его и не услышишь. Я прослежу, чтобы он тебе не мешал. Ты и не знаешь, что он у нас есть.

– Знаешь что? Ты еще способна меня удивить. Это надо запомнить. Селеста... ты серьезно? Тебе хочется, в самом деле хочется иметь такую вещь?

Младшая даже стала выше ростом, будто кто-то тянул ее сверху за шиньон.

– Да, Артемисия. Я *в самом деле* хочу эту вещь, которая расширяет горизонты, позволяет увидеть моря, джунгли,

спуститься в каньон Колорадо, – отчеканила она, словно читала тщательно отрепетированный текст классической трагедии. – Которая даст мне возможность побывать в таких местах, где я никогда не была и уже не буду...

– ...Которая показывает фильмы, где женщины целуются с мужчинами по-французски, в ночных рубашонках и чулках в сеточку.

– Ох, Митци, – вздохнула Селеста, вновь обретая обычный рост и голос. – Я целиком оплачу его сама. Даже если на это уйдут месяцы.

– Ты знаешь, сколько это будет в днях? Да эта штука сломается, прежде чем ты выплатишь кредит.

– В витрине висит плакат с предложением специалиста для бесплатной демонстрации. На дому.

Артемисия устало опустила веки. Она напонила Селесте игуану из книжки с картинками, которая была у них в детстве. Старшая же тем временем недоумевала, зачем сестренке понадобилось ее разрешение.

– Ты совершеннолетняя, не так ли? Делай глупости, не спрашивая меня. Покупай на здоровье свою игрушку. Надеюсь хотя бы, что он окажется красивым мужчиной. Я имею в виду специалиста по ремонту на дому!

Миссис Мерл поправила две-три пуговицы, покосившиеся под ее лихорадочными пальцами, и направилась к двери, изо всех сил стараясь не пуститься бегом и не расплыться в улыбке.

– Я зайду в магазин на той неделе. Это на Лексингтон-авеню.

Артемисия отмахнулась с горькой жалостью.

– Ты как маленькая, ей-богу. Сердце за тебя болит.

– А у меня печень от твоих нападков.

Уже закрывая дверь, миссис Мерл бросила через плечо:

– Ставлю ужин с Кэри Грантом, ты тоже будешь его смотреть!

– На Лексингтон-авеню есть и магазины готового платья! – крикнула Артемисия ей вслед. – Купи себе что-нибудь, чего собаке не захочется закопать.

На лестничной площадке, вздохнув легко и освобожденно, миссис Мерл похлопала себя по щекам и обнаружила, что они чуть-чуть горят.

Ну вот. Победа, кажется, одержана, хоть Дракон и не преминул выплюнуть язычок пламени... Ничего, младшей сестренке не привыкать.

Этажом ниже то и дело хлопала дверь. Девушки расположились в своем штабе – наводили красоту в ванной. Интересно, сколько их там?

* * *

Трое. Их было только трое. Шик и Эчика примеряли наряды, украшения, пробовали макияж. Урсула просто случайно проходила мимо по коридору.

– На выход?

– Только через неделю. Сегодня испытательный полет. Тестируем прически и помаду.

– Просочиться в театр планируете?

– Нет, лучше: *blind date*²²!

– *Blind date* только у меня, – поправила Эчика. – Шик-то знает своего Эрни.

Урсула порылась в памяти.

– Эрни... Эрни... А, тот, кого ты называешь... э-э... Кнопка?

– Пробка, дурища. Эрни из Кентукки. Наследник пробкового короля! – пропела Шик, прильнув к зеркалу. – Который отдал мне все ноги на танцполе в «Эль Морокко». Будем надеяться, что с того раза он взял пару уроков.

Она пробежалась невесомым мизинцем по нижней губе, выравнивая тон.

– Он пригласил какую-то шишку из нью-йоркского издательства. У них дела. Тот тип один, и Эрни попросил меня найти для него девушку, образованную, красивую и непременно шикарную. «Извини, но я уже занята», – ответила я Пробке. Пробка обожает мой юмор. Я могу его рассмешить как никто. А когда он смеется, его волосы танцуют степ.

– Результат: мне досталась неведомая шишка, тайна, покрытая мраком, – подхватила Эчика, повернувшись спиной к Урсуле, чтобы та зашнуровала ей пояс. – Надеюсь, что он

²² Свидание вслепую (англ.).

танцует лучше, чем Пробка. А то у меня ножки Принцессы на горошине.

– Если тайна, покрытая мраком, красивее и лучше танцует, оставь его себе, Шик. А Пробку отдай Эчике. Что у тебя с голосом?

– Я сменила зубную пасту.

– Не нужен мне Пробка, хоть обмажьте его кремом шан-тильи, – фыркнула Эчика. – О черт, эти волосы! Кто бы оплатил мне перманент «У Анри-Жана»?

– Не волнуйся. Незнакомец не будет смотреть на твои волосы.

– Пробка стоит полмиллиона долларов, – мечтательно произнесла Шик. – Ну, то есть его отец. Хорошие деньги – это те деньги, о которых не помнишь, так всегда говорила моя мама. А денег надо много, много, очень много, чтобы забыть об их существовании.

– Продаваться, что ли? – процедила сквозь зубы Урсула, вытаскивая из кармана свитера фляжку.

– Не знаю, о чём ты, но звучит неаппетитно. А ты знаешь, Урсула, что в этом почтенном пансионе до сих пор действует сухой закон?

– Это только для чистки зубов. Потрясающе отбеливает эмаль.

– Деньги, миллионы, состояние... – вздохнула Эчика. – Я-то думала, что эти слова встречаются только в кроссвордах по вертикали и по горизонтали.

– Но все эти богачи, убежденные, что могут купить всё на свете...

– ...совершенно правы, Урсула!

Шик отвинтила крышку хрустального флакона размером не больше половины ее мизинца.

– Понюхай-ка. Это называется духи. Двенадцать долларов за вдох. Подарок Эрни. Всего лишь за то, что он обожает меня в красном платье.

– Наша девушка любит яркие цвета, – весело подхватила Эчика. – Ручаюсь, когда Шик выйдет замуж за президента Соединенных Штатов, она первым делом перекрасит Белый дом.

– Кто здесь говорит о замужестве? – ошетибилась Урсула. – Меня увольте.

– В этом, по крайней мере, мы согласны, – заметила Шик. – Замуж? Когда толпы мужчин рвут на себе волосы, надеясь на мой звонок?

Урсула хихикнула.

– Чего же ты ждешь? Перезвони им.

– А ты стала бы перезванивать лысым? Нет уж, мне – Рокфеллера! А себе оставь интеллектуалов, подписчиков газетенки, которые никто не читает... кроме ФБР.

Урсула лишь улыбнулась в ответ какой-то очень личной, мало кому понятной улыбкой, адресованной только себе самой. Улыбнулась и похлопала по карману свитера, в котором лежала фляжка.

– Пойду продолжу отбеливать зубы в обществе хорошей книги, – заключила она и направилась в свою комнату.

* * *

В дверь позвонили. Черити поспешно поставила на стол тарелку с рубленой телятиной, сполоснула пальцы, к которым прилипли кусочки мяса, пригладила торчащий клочок волос и кинулась в прихожую. Бросив взгляд в зеркало у вешалки и глубоко вдохнув, она открыла.

– А, это вы.

На пороге стоял рассыльный из «Федерал Раш» с коробкой цветов под мышкой.

– Принимаю это за комплимент, – проворковал он, окинув ее зазывным взглядом и одарив приветливой улыбкой.

– Обычно приходит Билл. Вы новенький?

– Выхожу на замену с Рождества. Меня не гонят, из чего делаю вывод, что ценят. А вы?

– Я?

– Вы меня оценили?

Черити попыталась осадить его надменно поднятой бровью на манер Джоан Кроуфорд в «Милдред Пирс» вкупе с колкостью Бетт Дэвис в «Иезавели».

– Да вы нахал! – фыркнула она.

– Хо-хо-хо. Мисс Айсберг, не иначе? Отлично. Мое любимое занятие – колоть лед.

– Растопить его вам не удастся. Извините, у меня нет сдачи.

– Оставьте себе, – сказал очарованный молодой человек. – Купите штат Массачусетс.

Она хотела взять коробку с цветами. Рассыльный быстро спрятал ее за спину.

– У меня безупречная наследственность, – сказал он. – Мама наполовину шотландка, папа стопроцентный полицейский с 87-й улицы.

– А у меня есть голова на плечах.

– Прислоните ее к моей. Вот увидите, это не больно и даже приятно.

Она оскорбленно повела плечами (движение, почерпнутое у Оливии де Хэвиленд в любом фильме с Эрролом Флинном).

– Это приглашение потанцевать, – самоуверенно добавил, увы, отнюдь не Эррол Флинн, зато записной дамский угодник. – Ужин подразумевается. Я не скряга, боже упаси. Что вы делаете сегодня вечером?

– Не знаю, что я буду делать, но уж точно не с вами.

У него было круглое, до смешного юное лицо и буйная шевелюра, торчавшая щеткой из-под пилотки рассыльного.

Еще вчера могло быть иначе. Вчера Черити, пожалуй, приняла бы приглашение. Но вчера было вчера, а сегодня всё изменилось. Был утренний звонок в дверь. И красавец с ножами.

Она высоко вздернула подбородок, словно заглядывала через невидимую стену, надежно отделявшую ее от молоденького рассыльного.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– А по мне, не такая уж плохая. Ну же, скажите «да».

Он всё еще держал букет за спиной и приплясывал, уворачиваясь от нее.

– С какой стати?

– С такой, что мне нравится, как вы дышите, как грызете стебли сельдерея, как...

– Позвольте! Когда это вы видели, как я грызу стебли сельдерея?

– Я часто вижу сны.

– Вам снится сельдерей?

– Мне снится вы.

– Ну вы скажете! Мы с вами даже никогда не говорили до сегодняшнего дня.

– Во сне я не раз говорил с вами задолго до сегодняшнего дня. Так, значит, да?

– Так, значит, нет! – отрезала девушка, наконец выхватив у него цветы. – Не в моих привычках встречаться с малознакомыми людьми.

– Вот именно! – крикнул он, когда она уже скрылась за дверью. – Как раз для этого люди вместе ужинают и танцуют. Чтобы познакомиться!

Слоан Кросетти – так его звали – улыбался двери, кото-

рую Черити захлопнула перед его носом. Улыбался он довольно долго.

– Ты об этом еще не знаешь, – тихо сказал он, – но я на тебе женюсь.

* * *

Черити принесла коробку наверх, где царил привычная суэта в ванной и вокруг нее, и отколола карточку.

– Это вам, мисс Фелисити.

– Пф-ф, букет для бабуси. Пробка как он есть. Сплавлю его миссис Мерл или Дракону.

– Ты этим обидишь и своего воздыхателя, и наших уважаемых хозяек, – укорила ее Эчика.

– Но камелии! Не правда ли, это чудовищно мелодраматично для вечера вторника?

– Простите, мисс Фелисити, – робко вмешалась Черити, – вы случайно не сохранили каталог «Сирс» прошлого сезона? Помните, с красивым голубым платьем на обложке, вы даже подумывали его купить?

На шум из своей комнаты вышла Пейдж, чтобы тоже поучаствовать в разговоре.

– Какой странный у тебя голос, Шик. Злоупотребила нецензурными словами?

– Только произнесла твое имя. Я никогда...

– Простите, мисс Фелисити. Насчет каталога «Сирс»...

– Он где-то валяется, я поищу, Черити. Я никогда не держала в руках банкноту в тысячу долларов. Пробка восполнит этот пробел. Полмиллиона... Ну, то есть его отец, конечно.

– Когда ты рассказываешь про свои вечера с этим парнем, чем-то заслужившим столь изысканную кличку, хочется спросить, как ты сможешь провести еще хоть один в его обществе! – не без ехидства заметила Пейдж.

Под ровной челкой Шик что-то дрогнуло. Решительно, сегодня не ее день. Урсула уже прочла ей нотацию, теперь вот Пейдж. Какая муха их всех укусила?

– Я девушка серьезная, – сухо ответила она. – Амбициозная и целеустремленная.

– Так вы уж поищите каталог, мисс Фелисити, – тихо напомнила ей Черити и ретировалась.

Шик рассматривала свой маникюр, толком его не видя. *Себе-то хоть не ври. Прекрати думать о... Дура набитая. Он тебе так и не перезвонил. И... вообще, у него ни гроша. Простой осветитель на Си-би-эс.*

– О... Мистер Джо! – раздался на лестнице голос Черити.

Шик вздернула подбородок.

– Джо! Подойди сюда, пожалуйста.

Джослин не заставил себя долго просить. Он пришел за мылом, забытым после утреннего душа. По крайней мере, такое алиби сгодится на случай, если миссис Мерл...

– У тебя найдется минутка? – пропела Шик не в меру сладко. – Нам нужен мужской взгляд.

Две кокетки покружились, взметнув складки платьев вокруг бедер.

– Как мы выглядим? Молчи, Пейдж.

– Так, будто нарушили уже восемь заповедей, – вставила Пейдж. – И смело идете на штурм двух оставшихся.

Джослин задумался, потирая пальцем уголок рта.

– Выглядите... как все девушки в вечерних платьях, – сказал он наконец.

– Как это понимать?

– Как мы выглядим, Джо? Молчи, Пейдж.

– С надеждой и обещанием.

– У кого-нибудь найдется килограмм аспирина? – просто-на Пейдж. – У меня чудовищная мигрень.

Она ушла в свою комнату и заперлась наедине с Мортимером.

Джослин с усилием отвел глаза от ноги Эчки, которую та вытянула, положив на табурет, чтобы хорошенько разгладить чулок.

– Вы куда-то идете?

– Не сегодня. Через несколько дней.

– О! Так боитесь опоздать?

– Вот именно, – хихикнула Эчика. – Собираемся спать одетыми и накрашенными до следующей недели.

– Что же такое важное будет на следующей неделе? – любопытствовал Джослин.

– *Blind date!* – выпалили девушки хором.

– Наполовину *blind*, – уточнила Шик. – Я-то знаю Проб... моего кавалера.

Тут Джослину Бруйяру, неполных семнадцати лет, французу, *from Parea*²³, пришлось разъяснять всё про этот диковинный американский обычай: у него в голове не укладывалось, что можно назначить свидание и пригласить на ужин девушку, которую никогда не видел.

– То есть ты не знаешь, как выглядит твой кавалер, Эчика? – ошеломленно спросил он.

– Понятия не имею. Он, заметь, тоже. Не волнуйся, мы сразу друг другу представимся. Это полезно, чтобы завязать разговор.

– А представь, что это окажется... ну, не знаю... Борис Карлофф из фильма про Франкенштейна?

– Очень просто: мы больше не увидимся. Зато я бесплатно поужинаю. А может быть, даже получу подарочек на память.

– По идее, это против ее принципов, – подколола Шик, – но принципов у этой девушки нет.

– Борис Карлофф – утонченный английский джентльмен, – не осталась в долгу Эчика.

Джослин смотрел на них восхищенно и немного растерянно. Ох уж эта Америка, сплошные парадоксы! С одной стороны, здесь запрещается поцелуй в кино продолжительностью больше десяти секунд, с другой, девушка может принять приглашение на ужин и даже подарки от совершенно

²³ Из Пари-и (англ.).

незнакомомого мужчины без ущерба для своей респектабельности.

– Франция поражена целомудренно-распутными нравами Америки, кто бы мог подумать?

Джослин вспомнил про мыло и забрал его.

– А где все остальные?

– Пейдж зубрит Шекспира, а может, Граучо. Урсула отбеливает зубы пивом. Хэдли скоро приведет Огдена от новой няни и убежит на работу. А где Манхэттен... тайна.

3. Happy feet (I've got those happy feet)²⁴

Знала бы миссис Мерл, в который раз подумала Манхэттен, что она встречается в баре с юношей, о котором практически ничего не знает, точно погнала бы ее из своего респектабельного пансиона поганой метлой.

Через свои очки – и стекло витрины «Миднайт сан» – она разглядела упомянутого юношу. Они условились встретиться в этой кофейне, «чтобы успеть поговорить» перед работой в театре. Девушка не спеша повесила пальто и шляпку и подошла к столику, за которым он ее ждал.

– Добрый вечер, – поздоровалась она суховатым тоном, которым, повинувшись инстинкту, всегда говорила с ним. – Я не слишком опоздала?

– Я только что пришел.

Вежливая ложь: его стакан с имбирным элем был изрядно почат. Она села рядом – он очень удачно выбрал угловой столик. Рубен, как и она, носил очки. Маленькие, круглые. И за ними, как у нее, крылись черные отцовские глаза.

– Ну и туман сегодня.

Она кивнула и заказала вишневую кока-колу.

Со своей бесплотной фигурой, в неизменном черном костюме страхового агента, Рубен Олсон, если встретить его в этом тумане, запросто мог напомнить Джека-Потрошителя.

²⁴ Беспокойные ноги (У меня такие беспокойные ноги) (англ.).

От этой мысли улыбка тронула губы Манхэттен. Видимо, сочтя ее за поощрение, он сразу приступил к сути:

– Вот. Прочти.

Это была статья за подписью знаменитого хроникера Уолтера Уинчелла.

Пьеса «Доброй ночи, Бассингтон» попала в блестящую струю самых успешных бродвейских спектаклей во многом благодаря великолепному Ули Стайнеру в заглавной роли. Автор, Томас Чамберс, находится в настоящее время в Голливуде. Нам хотелось бы верить, что привела его туда одна лишь слава большого писателя, если бы он не позорил свое имя, открыто оказывая поддержку Десяти Ренегатам²⁵, коммунистам, решение по делу которых будет вынесено в ближайшее время. Можно только удивляться, если мистер Ули Стайнер не последует за ним по этому пути! Известно ли вам, что во время войны этот гений и великий соблазнитель нью-йоркской сцены был близко (даже очень близко) знаком с некой Влаской Чергиной, русской балериной, известной не

²⁵ Имеется в виду группа видных деятелей Голливуда, известная как «голливудская десятка». В октябре 1947 года Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности начала слушания о коммунистическом влиянии в американской киноиндустрии, для участия в которых из Голливуда в Вашингтон вызвали по повестке 43 режиссера, сценариста и актера. Десять из них, ссылаясь на Первую поправку к Конституции США о свободе слова, категорически отказались отвечать на вопросы комиссии. Палата представителей предъявила членам десятки обвинений в неуважении к Конгрессу, что являлось уже подсудным делом. После двух с половиной лет судебных процессов и апелляций в начале июня 1950 года все они получили от 10 месяцев до года тюремного заключения.

только своими антраша, но и горячей симпатией к мистеру Сталину?..

Манхэттен выронила газету.

– Это только начало, – сказал Рубен.

– Что насчет вызова Ули в комиссию?

– Сесил, его адвокат, добился отсрочки. Но когда назначат новую дату, деваться будет некуда.

– Чем он рискует? Хотя бы тюрьма ему не грозит?

– Еще как грозит. За инакомыслие или государственную измену.

– Ули вызвали как свидетеля. Он не обвиняемый.

Рубен хрюкнул – похоже, это был смех. Явление редкое и очень... готичное, на взгляд Манхэттен. Ситуация не располагала, и она скрыла вновь просившуюся улыбку.

– Для Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, – пояснил он, – свидетели делятся на две категории: дружественные и недружественные.

– Стронники или предатели.

– Всё будет как всегда в таких случаях. Комиссия потребует от Ули список коммунистов, с которыми он знаком. Если он откажется, его запишут в недружественные, а значит... *Welcome*²⁶, крах, разорение и безработица. В лучшем случае он попадет в черный список в профессии. А в худшем...

– Тюрьма? – выдохнула она.

²⁶ Добро пожаловать (англ.).

– В худшем то и другое, *darling*²⁷. Волчий билет и тюремная камера.

Принесли кока-колу, но Манхэттен этого не заметила. Она наклонилась к Рубену, и их разговор стал заметно тише.

– Невозможно представить Ули коммунистом. А та... русская, та балерина, кто она?

Он со вздохом закатил глаза.

– Родилась в Огайо. Такая же американка, как ты и я. Их связь продолжалась пять с половиной недель. Вот и весь коммунизм Ули. Никаких политических убеждений там и в помине не было. Он ходил на собрания, потому что ему «хотелось развлечься и позабавиться». Это его слова.

Она медленно глотнула и отставила стакан.

– Значит, сам нарывался.

Рубен пожал плечами, темными, острыми.

– Мы должны ему помочь. Пусть он безбашенный, так и не повзрослевший эгоист, неважно, мы всё-таки... Всё-таки мы...

– ...его дети. Увы.

Манхэттен горько рассмеялась. Сняла очки и снова надела их, достала сигареты, «Фатима» без фильтра.

– Как ты снисходителен к человеку, который не желает признать тебя своим сыном и помыкает, как слугой.

– Не так уж плохо он со мной обращается. Даже делает для меня всё, что может. По-своему. Уверяю тебя, он не такое

²⁷ Дорогая (англ.).

чудовище, как тебе кажется.

– Если ты так говоришь, значит, он хорошо тебе платит.

– Ты права. Так он на свой лад... проявляет чувства.

Девушка закурила сигарету, чувствуя, что закипает, и злясь на себя за это.

– А ты? – вдруг спросил он в лоб. – Зачем ты изображаешь из себя костюмершу? Почему скрываешь, кто ты на самом деле?

Она задумалась. Стекла очков запотели.

– Чтобы посмотреть на монстра Стайнера в его разных жизнях и семьях. Чтобы понять, кто уморил Джину Бале-стреро, мою мать, надеждой и отчаянием; кто этот человек, наплодивший детей, которые даже не знакомы между собой?

– Мы с тобой знакомы, – мягко напомнил он. – Мы знаем, кто мы друг другу. Пусть даже он об этом ни сном ни духом.

– Не вздумай ему сказать.

– Я и не собирался.

– Я буду счастлива, когда однажды выскажу ему всё это, швырну в лицо. И этот момент я хочу выбрать сама.

– Ты не будешь счастлива, это я тебе говорю.

Он откинулся на спинку стула.

– Я был настроен так же, когда приехал два года назад, чтобы открыть ему, кто я. Обида. Горечь. Злость. А потом...

Рубен махнул рукой:

– ...На самом деле это большой ребенок. При всех своих замашках примадонны он до того наивен, что оторопь берет.

Ну кто, кроме скверного мальчишки, вздумал бы «развлечься и позабавиться», якшаясь с *комми*?

– Человек без убеждений и политической сознательности. Толстокожее животное, которому плевать на всё, что не касается его персоны.

Он вдруг наклонился вперед, почти лег тощей грудью на стол и прошептал:

– Манхэттен... Ты-то хоть не коммунистка?

Она тихо засмеялась.

– Нет. Но я подумаю над этим вопросом.

Они помолчали. За соседним столиком девушка сплетничала с подругами, рассказывая, что ее начальник носит накладные волосы. Все покатывались со смеху.

– Если бы ему в самом деле было плевать на всё, он бы не заморачивался, – снова заговорил Рубен. – Всё было бы куда проще. Такое толстокожее животное сдало бы своих бывших *товарищей*, объявив во всеуслышание, как ненавидит коммунизм, и комиссия оставила бы его в покое. Но Ули никогда этого не сделает.

– Почему? В нем много намешано, но порядочным я бы его не назвала. Даже наоборот, он совершенно непорядочен.

– В театре трус не бывает героем. Презрению Ули предпочитает ненависть. В сущности, роль гонимого ему, по-моему, где-то даже нравится.

Манхэттен допила кока-колу.

– Ты позвал меня, чтобы вместе посочувствовать горе-

стям великого человека?

– Не только, – признался Рубен, отпив глоток имбирного эля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.